

**Соотношение познавательных целей деятельности адвоката и
должностных лиц органов предварительного следствия, прокуратуры и
суда в уголовном процессе**

Н. Г. СТОЙКО*, В. М. ЦАРЕВ**

*Кандидат юридических наук, доцент Красноярского государственного университета

* *Кандидат юридических наук, ассистент того же университета.

Познавательная деятельность адвоката осуществляется в рамках общих целей уголовного судопроизводства (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик).¹ В то же время она заметно отличается от деятельности других субъектов уголовного процесса, прежде всего должностных лиц органов расследования, прокуратуры и суда. С одной стороны, адвокат помогает своему подзащитному (обвиняемому, подсудимому, осужденному), содействуя реализации его законных личных интересов, а с другой — государству в оказании юридической помощи лицам, обвиняемым в совершении преступления. Так происходит потому, что судопроизводство по своей природе деятельность коллективная, каждый субъект вносит посильный вклад в достижение общего результата. Поэтому адвокат и должностные лица, ведущие процесс, имеют общую и специфические цели познавательной деятельности, обуславливающие единство и дифференциацию последней по форме и содержанию. «Общие цели и задачи уголовного судопроизводства,—пишет Л. Д. Кокорев,—разумеется, определяют деятельность всех его участников, однако наряду с ними ... существует своеобразие, конкретных задач, стоящих перед теми или иными участниками процесса». ² П. С. Элькин указывала на необходимость различать «цели, выражающие направленность всей уголовно-процессуальной деятельности» и так называемые функциональные цели, учитывающие роль и назначение каждого участника процесса.³

Все названные субъекты призваны совместно защищать общественные и личные интересы в связи с возникновением предположения о совершении преступления. Их общая познавательная цель — разрешить это предположение. Отсюда одинаковая за-интересованность адвоката и должностных лиц, ведущих процесс, в таком установлении обстоятельств дела, которое соответствовало бы объективной действительности, а также в правильном применении уголовного и уголовно-процессуального законов. Специфические же цели их деятельности при этом остаются различными. Общая цель отражена в ст. 2 Основ с учетом реально существующих потребностей, с одной стороны, оградить общественные интересы от преступных посягательств, а с другой — не допустить незаконного и необоснованного применения мер государственного принуждения к отдельным гражданам, вовлекаемым в процесс в качестве предполагаемых субъектов этих посягательств. Хотя такие цели, как быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение всех лиц, виновных в их совершении, на первый взгляд больше относятся к деятельности должностных лиц, осуществляющих судопроизводство, а недопущение привлечения к уголовной ответственности и осуждения невиновных — к деятельности адвоката, в целом общая познавательная цель носит двуединый характер. Быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных в их совершении означают в то же время недопущение привлечения к уголовной ответственности и осуждения невиновных. Дифференциацию же целей деятельности указанных субъектов уголовного судопроизводства закон приводит в ст. 3 и 23 Основ. В первой из них перед судом, прокурором, следователем и органом дознания поставлена следующая познавательная цель: установить событие преступления, определить лиц, виновных в его совершении. Во второй сформулирована познавательная цель адвоката — выяснение обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность. В отличие от ст. 2 Основ речь здесь идет об особой направленности деятельности должностных лиц, ведущих процесс, и адвоката,

которая определяет форму их участия в судопроизводстве. При этом имеются в виду цели судопроизводства не по конкретному уголовному делу, а уголовного процесса вообще как средства борьбы с преступностью. Поэтому сказанное не противоречит ст. 14 Основ, которая связывает принцип уголовно-процессуального доказывания с конкретными обстоятельствами дела.

Должностные лица, осуществляющие судопроизводство, практически всегда исходят из обоснованного предположения о существовании преступления и наличии лица, его совершившего. Оно возникает с момента «обнаружения признаков преступления» и задает определенное направление и форму всему уголовно-процессуальному познанию, ориентированному на разрешение указанного предположения. Даже версия о невиновности подозреваемого или обвиняемого рассматривается в рамках дела о преступлении, где неизбежно предполагается виновное лицо. Это вовсе не исключает возможности реабилитации последнего, ибо закон не считает обвиняемого виновным, пока иное не определит суд (ст. 151, 160 Конституции СССР, ст. 13 Основ). Так происходит потому, что на протяжении производства по уголовному делу вплоть до приговора суда устанавливается уголовно-правовое отношение, которое по мере всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств совершения преступления становится все более определенным.⁴ Может оказаться, что указанное правоотношение отсутствует, но обнаружится наличие другого.⁵ Именно поэтому следователь, прокурор и суд контролируют себя и друг друга, проверяя правильность сделанного вывода о виновности обвиняемого. Если следователь считает уголовно-правовое отношение существующим, событие преступления и виновность лица доказанными уже в стадии предварительного расследования, то прокурор, а затем и суд еще должны разобраться в этом.⁶ Иначе говоря, данные субъекты, принимая решения по существу дела (о возбуждении уголовного дела, привлечении в качестве обвиняемого, вынесении обвинительного приговора и т. п.) всякий раз

(разумеется, на разных уровнях доказывания) разрешают предположение о совершении преступления.

Помимо разрешения указанного предположения в рамках уголовного правоотношения должностные лица, ведущие процесс, формулируют обвинение в материально-правовом смысле.⁷ В связи с этим в их деятельности могут появиться негативные (обвинительные) тенденции.

Так, у следователей нередко на первый план выдвигаются версии обвинительного порядка, в отдельных случаях они оказываются в плену ими же созданной версии.⁸ В результате появляется предвзятость при установлении обстоятельств предполагаемого преступления, возникает предубежденность в оценке доводов обвиняемого, не-критическое отношение к своей позиции, а это может привести к грубым ошибкам при разрешении дела по существу.⁹

Иногда и прокурор, утверждая обвинительное заключение, отождествляет обоснованность последнего с достижением (окончательным) истины по делу. В дальнейшем он лишь представляет и отстаивает выводы предварительного расследования, отказываясь от активного участия в исследовании обстоятельств уголовного дела. Поэтому даже при наличии соответствующих данных прокурору психологически не-легко отказаться от поддержания обвинения, поставить вопрос о переквалификации действий подсудимого в сторону смягчения.¹⁰

Нельзя отрицать опасности появления обвинительного уклона и в деятельности судей. Особый формально-церемониальный характер правосудия (гласность, устность, коллегиальность и т. п.)¹¹ помогает избежать однобокого исследования обстоятельств дела. Тем не менее недопустимые для судей предварительное согласие с выводами следователя о виновности обвиняемого, предубежденность, вера в непогрешимость расследования нередко служат источником ошибок, правового негативизма и

формализма судей, психологически «оправдывают» принятие неправосудных решений.¹²

Конечно, подобный уклон возникает, прежде всего в результате действия субъективных причин. «Вместе с тем, — как правильно подчеркивает Г.М. Резник, — за явлениями субъективного порядка необходимо видеть более глубокие причины, имеющие объективный характер».¹³ Именно признание реального существования таковых привело к созданию целой системы гарантий прав и законных интересов обвиняемого (равно как и к появлению соответствующей стратегии законодателя).¹⁴ В качестве одной из таких гарантий предусматривается участие защитника в уголовном процессе. Социальное осознание того факта, что риск обвинительного уклона (как и следственных или судебных ошибок) нельзя полностью исключить, а можно лишь существенно ограничить,¹⁵ возложив на должностных лиц обязанность полно, все-сторонне и объективно исследовать обстоятельства дела, обусловило по существу оправдательную направленность деятельности адвоката. Основная задача данного участника уголовного процесса состоит в том, чтобы, исходя из предположения о не-виновности обвиняемого в форме разрешения такого предположения, «высветить» обстоятельства дела в соответствующем аспекте и таким образом повлиять на внут-реннее убеждение должностных лиц, ведущих процесс, а тем самым и на формирова-ние выводов по делу, соответствующих законным интересам подзащитного. Деятель-ность адвоката должна играть роль своеобразного «предохранителя» в цепи действий следователя, прокурора, суда, если они приобретают субъективный уклон, ведущий к нарушениям прав и законных интересов обвиняемого. И чем раньше адвокат по-лучит возможность реализовать свое назначение, тем полнее будут решены задачи уголовного процесса.

Умаление специфики познавательных задач адвоката может привести к появлению и в его позиции (как это ни покажется странным) той же обвинительной тен-денции: участвуя в разрешении предположения о

совершении преступления, возникшего у соответствующих должностных лиц, защитник начинает руководствоваться им в своей познавательно-практической деятельности. В этом случае он психологически безоружен: трудно защищать обвиняемого, предполагая, что он виновен. Такой подход приводит зачастую к отсутствию у адвоката самостоятельной позиции или пассивности в ее отстаивании, к появлению негативного либо безразличного отношения к подзащитному, мешает даже выявлению смягчающих вину обстоятельств. В результате перед следователем, прокурором, судом высказываются лишь такие сомнения в доказанности обвинения, которые возникают у последних и без участия адвоката. Подобная «активность» защитника приносит мало пользы.

Конечно, совпадение выводов указанных субъектов по существу дела не исключается, но оно не должно расцениваться как неизбежное. Сложность процесса познания предопределяет и неоднозначность конкретных познавательных целей деятельности, а соответственно и психологических установок на выявление определенных обстоятельств дела. Поэтому адвокату обстоятельства происшедшего нередко могут и должны представляться иначе, чем должностным лицам, ведущим процесс. При этом необходимо, чтобы он основывал свои выводы на результатах самостоятельного исследования доказательств. Последнее же предполагает активное участие в собирании и проверке относящихся к делу данных, а не только в оценке доказательств, уже собранных и изученных органами расследования. Однако следует заметить, что при существующем положении такая возможность у адвоката имеется лишь в стадии судебного разбирательства. В соответствии с законодательством по большинству уголовных дел на предварительное следствие адвокат допускается с момента его окончания и ознакомления обвиняемого со всеми материалами дела. Возможность участия адвоката с момента предъявления обвинения по постановлению прокурора (ч. 1 ст. 22 Основ) в силу неконкретности формулировки закона и иных причин на практике используется редко. На этом этапе судопроизводства адвокат по

общему правилу в процессе не участвует и, по сути, привлекается лишь для оценки его ре-зультатов. В силу этого функция защитника фактически сводится к ликвидации, но не предотвращению возможных нарушений закона со стороны должностных лиц, ведущих процесс. Более того, в юридической литературе неоднократно отмечалось, что деятельность адвоката по устранению недостатков расследования должным образом не гарантирована законом (не установлены сроки рассмотрения и разрешения ходатайств адвокатов и т. д.). Все это порождает формальное отношение адвокатов к исполнению своих обязанностей на данной стадии процесса. Итак, целесообразность предложения о допуске защитника по всем делам с момента привлечения в качестве обвиняемого, а если до этого производилось задержание лица или применение к нему меры пресечения — с момента появления подозреваемого, очевидна.

Общая познавательная цель всех субъектов уголовного судопроизводства и специфические познавательные цели, с одной стороны, должностных лиц, ведущих процесс, а с другой — адвоката, находятся в диалектическом единстве. Правильное понимание соотношения этих целей позволяет всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела и соответственно добиться такого результата, который бы олицетворял реализацию как публичных интересов в защите общественных отношений от преступных посягательств, так и законных интересов отдельных граждан не быть подвергнутыми необоснованному применению к ним мер государственного принуждения.

---

1 Далее — Основы.

2 Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. С. 61.

3 Элькин П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 41—45.

4 Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уго-ловном процессе. Л., 1985. С. 24—28.

5 Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 91.

6 Лукашевич В. З. Указ. соч. С. 25—27.

7 Следует согласиться с мнением об отсутствии функции обвинения в уголов-ном процессе, поскольку, с одной стороны, элементы обвинительной деятельности мо-жно найти в деятельности любого должностного лица, осуществляющего судопро-изводство, а с другой стороны, ни один из них не уполномочен отправлять только обвинительную деятельность (см.: Даев В. Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1974. № 1. С. 66—69.)

8 Некрасова М. П. Влияние профессиональной деформации личности юри-ста на формирование конечных выводов по делу // Вопросы совершенствования пра-восудия в СССР. Вып. 7. Калининград, 1979. С. 47.

9 Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе .Л., 1959. С. 77—79.

10 Леоненко В. В. Профессиональная этика участников, уголовного судопро-изводства. Киев, 1981. С, 118—121.

11 Юридическая процессуальная форма / Под ред. П. Е. Недбайло и В. М. Горшенева. М., 1976. С. 239—241.

12 Колбая Г. Н. Соотношение предварительного следствия и судебного раз-бирательства. М., 1975. С. 91—92; Грошевой Ю, М. Проблемы формирования су-дейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975. С. 75, 89.

13 Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М., 1977.С. 77, 96.

14 Право обвиняемого на защиту в социалистическом уголовном процессе /Под ред. В. М. Савицкого. М., 1983. С. 56—62.

15 Резник Г. М. Указ. соч. С. 92.